

УДК 281.9 (091)

**ЖИЗНЕННЫЙ УРОВЕНЬ ПРАВОСЛАВНОГО ДУХОВЕНСТВА
В БССР В 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.**

Опиок Тамара Владимировна,

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова
(г. Могилев, Беларусь)

В статье в контексте антирелигиозной направленности советской конфессиональной политики 1920-х – начала 1930-х гг. анализируются основные

факторы, оказавшие влияние на изменение материального положения и жизненного уровня православного духовенства в БССР.

Ставшее неизбежным изменение общественного статуса церкви и священнослужителей в 1920-х – начале 1930-х гг., осуществлялось посредством реализации комплекса мер идеологического, административного и экономического характера, что привело к существенной социокультурной трансформации всего общества, в том числе и духовного сословия, сказалось, среди прочего, и на жизненном уровне православного духовенства.

В результате реализации советского законодательства в конфессиональной сфере практически все существовавшие в имперский период источники доходов духовенства были, если не ликвидированы, то сведены к минимуму. Доходов от церковной земли и угодий, отведенных на содержание всего причта, служители церкви лишались еще по декрету о земле, в соответствии с которым «*Вся земля: государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т.д., отчуждается безвозмездно, обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней*» [1, с. 18]. Практически сразу после революции служители церкви утратили и другие важные источники благосостояния: государственное жалованье, а также проценты с предназначенных в пользу причтов вечных вкладов, доходы с церковных оброчных статей, предназначенных в пользу причтов (лавки, мельницы, дома и т.п.). В соответствии со статьей 59 циркуляра ЦИК БССР от 16 января 1925 г. «*О землепользовании религиозных культов и о строениях, расположенных на землях бывших вероисповедных ведомств, а также бывших церковных или религиозных обществ*» вопросами надежды духовенства свободными или запасными землями (на общих основаниях) занимались земельные комиссии. При этом, в случае одновременного ходатайства первоочередное право на наделение землей закреплялось за «*гражданами, принадлежащими к трудовому земледельческому населению*» [2, с. 14].

Все большие затруднения возникали и с выплатой годовичного содержания причту от прихода. До революции оно по уговору или по положению выплачивалось деньгами, хлебом и другими продуктами. За счет средств от приходов формировались и средства на общие епархиальные нужды, в том числе и выплату содержания епископу и членам епархиального совета, выдачу пособий бедным духовного звания. По свидетельству бюджетной комиссии епархиального съезда духовенства и мирян Витебской епархии 4-5 сентября 1923 г., «*положение епархиального совета в истекшем году было очень тяжелое: работать приходилось через меру, а получать за труд жалкие гроши, ... положение епископа было еще тяжелее, ибо если член совета мог иметь поддержку от приходской службы или посторонних занятий, то таковой не мог иметь епископ от кафедрального собора, как бесприходного*». Всем церквам епархии предлагалось: «*напрячь все усилия для изыскания средств для сносного существования правящего епископа и для более справедливого вознаграждения членов епархиального совета*» [3, с. 73].

Служители религиозных культов лишались права и на все возведенные до 1917 г. строения, если не могли в судебном порядке доказать факт «*возведения ими таковых на свои средства или законного приобретения ими этих строений*». Жилищная проблема обострялась для духовенства и в связи с широко практико-

вавшимися в послереволюционное время выселением, «уплотнением», а также недостатком средств для арендной платы. Так, в справке Витебского епархиального управления от 23 октября 1924 г. сообщалось, что «Во многих приходах причты выселены из причтовых домов, по иным местам причты продолжают жить в причтовых домах, но платят установленную аренду» [3, с. 85]. При этом еще в 1919 г. городским и уездным исполкомам разъяснялось, что при исполнении циркуляра ВЦИК об отделении церкви от государства «Выселение, по местным условиям для уплотнения населения и в других случаях, из зданий, ранее принадлежавших церквям, служителей культов должно быть вполне корректное и нисколько не противоречащее рабочей власти, отношение к отдельным личностям, хотя бы сколько-нибудь похожее на издевательство, не должно быть» [3, с. 32]. Однако на практике, особенно во время коллективизации, местные власти при выселении действовали безо всякой оглядки на «корректность», что нередко вызывало сочувствие у односельчан, как это произошло 17 января 1930 г. в селе Березок Хотимского района Могилевской области. Как следует из донесения ГПУ в Могилевский ОК КП(б)Б, в канцелярии Березовского сельсовета в частной беседе о выселении, середняк Гавриленко Кузьма Потапович утверждал, что «Советская власть очень неправильно и несправедливо поступает с индивидуальниками и лишенцами, что выгоняют их, как например, выгнали бывшего дьяка из коммунальных построек в зимнее время, хотя бы дали ему пожить до весны» [4, л. 166].

Значительно сократился в 1920-х – начале 1930-х гг. и один из основных источников доходов православного причта в дореволюционное время – плата за требоисполнение. В отдельных случаях это свидетельствует о сложном материальном положении верующих: «Материальное положение по епархии скудное, добродетельные пожертвования в храмах за богослужениями сократились до минимума, продажа церковных свечей упала» [3, с. 85]. В целом же это, безусловно – следствие усиливающегося давления на церковь и ограничения прав духовенства.

Одним из наиболее эффективных антирелигиозных мероприятий экономического характера 1920-х – начала 1930-х гг. стало налогообложение. Налоговая политика в это время развивалась по пути разграничения налогообложения религиозных объединений и служителей культа. Как свидетельствуют документы, «местами рядового сельского попа облагали в 700 руб., кроме самообложения» При этом финансовые органы строго следили за своевременной выплатой подоходного и сельскохозяйственного налогов. Только по Витебскому округу за неуплату налогов на 1930 г. «было осуждено около 30 и арестовано за антисоветскую агитацию до 20 священнослужителей православного культа. Этим заметно поредели ряды духовенства и закрылось много церквей». В целом по округу из действовавших после революции 155 православных церквей к началу 1930 г. осталось только 16. При этом «по постановлениям ЦИК БССР закрыто 24 церкви, остальные – за отсутствием священнослужителей» [3, с. 116-117].

Таким образом, на материальном положении и жизненном уровне православного духовенства в 1920-х – начале 1930-х гг. негативным образом сказались, реализуемая в соответствии с советским законодательством, утрата служителями культа прав на пользование землей, доходами, домами, налоговых

льгот, которые в имперский период реализовывались через церковно-монастырскую систему. Существенным образом сказывалось и все усиливающееся экономическое давление власти на церковь и духовенство.

Литература

1. Декреты Советской Власти. Том 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. – М. : Политиздат. – 1957. – 625 с.
2. Лобановский, Я. И. Земельный кодекс БССР с изданными в его развитие до 1 июля 1927 г. узаконениями, правилами, инструкциями и циркулярами, а также разъяснениями и тезисами из определений Особой коллегии высшего контроля по земельным делам / Я. И. Лобановский, М. Г. Вацилло-Вирин, Е. И. Вишневский, Д. М. Гарцман, М. И. Кварин. – Минск : Особая коллегия высшего контроля при Наркомземе БССР, 1927. – 351 с.
3. Православная церковь на Витебщине (1918 – 1991). Документы и материалы / редкол.: М. В. Пищуленок (гл. ред.) [и др.]; сост. В. П. Коханко (отв. сост.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2006. – 365 с.
4. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Ф. 6577. – Оп. 1. – Д. 891.